

«АВСТРОНЕЗИЙСКИЙ» ТЕКСТ С КЮСЮ И ЕГО ПЕРЕВОД Ю.Х. СИРКА: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ*

© 2026

И. В. Саркисов¹

Статья представляет собой попытку объяснить с точки зрения данных современной праавстронезийской реконструкции выполненный Ю. Х. Сирком перевод непонятного текста XI в. с Кюсю, предположительно созданный на вымершем австронезийском языке. Данный текст, приводящийся в антологии песен «Сётоку коёсю», представляется бессмысленным с точки зрения японского языка. Поэтому Л.М. Ермакова выдвинула гипотезу о его австронезийской принадлежности. Гипотеза была поддержана Ю. Х. Сирком, предложившим два варианта перевода текста, которые были опубликованы Ермаковой в монографии «Речи богов и песни людей». Однако Сирк не оставил никакой информации о ходе своих рассуждений, и потому после его смерти восстановить их не представляется возможным. Таким образом, весьма любопытная гипотеза фактически представляется бездоказательной. В ходе нашего исследования мы постарались восстановить логику Сирка, опираясь на реконструкцию Р.Э. Бласта. Нам удалось установить соответствия между словами текста и переводом Сирка, на основе чего мы предлагаем свою, несколько скорректированную гипотезу перевода, одновременно приходя к выводу о том, что австронезийская принадлежность текста маловероятна.

Ключевые слова: австронезийские языки, праавстронезийский язык, японский язык, языки Японии, доисторическая Япония

Для цитирования: Саркисов И. В. Австронезийский текст с Кюсю и его перевод Ю. Х. Сирка: попытка реконструкции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-100-109

“AUSTRONESIAN” TEXT FROM THE ISLAND OF KYUSHU AND ITS TRANSLATION BY SIRK: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION

Ivan V. Sarkisov

Summary. In this article I am trying to reconstruct the logic and arguments, on which the translation of a hypothetically Austronesian text made by Ü. Sirk is based. The text was found in an anthology of old Japanese songs written in XI century. From the viewpoint of Japanese language, this text seems an absolutely incomprehensible amount of sounds. It comes from the island of Kyushu, where some parts of prehistoric population (Hayato

* Автор выражает благодарность и признательность за помощь в подготовке статьи д.ф.н. Л.М. Ермаковой, А.С. Звереву и Е.В. Коровиной.

¹ Саркисов Иван Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Института Востоковедения РАН, Москва; vanya.sarkisov@gmail.com
Ivan V. Sarkisov, PhD (Philology), The institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Studies, researcher, Moscow; vanya.sarkisov@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6824-7729

and Kumaso tribes) probably were Austronesian. According to this, Russian Japanologist L.M. Yermakova provided a hypothesis that the text was written in one of such extinct Austronesian languages of Kyushu. A famous Russian specialist in Austronesian languages Ü. Sirk supported this hypothesis and made two variants of translation of this text into Russian. Unfortunately, he did not provide any argumentation and any information about the logic of his translation. As a result, after his death the translation seems to be just an unproven hypothesis and without knowing Sirk's arguments it cannot be even discussed scientifically. In my research I tried to restore the logic of Sirk's translation and to explain it from the viewpoint of proto-Austronesian reconstruction by R.A. Blust.

Keywords: Austronesian languages, languages of Japan, prehistoric Japan, proto-Austronesian language

For citation: Sarkisov I. V. "Austronesian" text from the island of Kyushu and its translation by Sirk: an attempt of reconstruction. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 100–109. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-100-109

Введение

Настоящая статья призвана осветить первую часть исследования, посвященного языковой принадлежности и интерпретации текста песни, который приводится в японской антологии XI века «Сётоку коёсю», на первый взгляд кажется бессмысленным с точки зрения японского языка и рассматривался Л. М. Ермаковой и Ю. Х. Сирком как австронезийский. Если подобная гипотеза является верной, то данный текст представляет собой уникальный образец одного из исчезнувших примерно к IX веку предположительно австронезийских языков острова Кюсю (возможно — хаято или кумасо) и потому имеет огромную ценность для науки.

Ю. Х. Сирк предложил варианты перевода этого текста, исходя из его австронезийской принадлежности и собственных изысканий в области праавстронезийской реконструкции. Однако, к большому сожалению, никаких данных о логике его рассуждений и доказательств правильности его интерпретаций не сохранилось, и мы имеем дело лишь с конечным результатом работы. По этой причине судить о правильности выводов признанного специалиста не представляется возможным. К тому же за время, прошедшее с момента его изысканий (с 1995 года), было накоплено много новых знаний о праавстронезийской реконструкции.

В этих условиях первой задачей на пути дальнейшего изучения упомянутого текста (а изучение его представляет огромную важность вследствие описанной выше его уникальности) является попытка восстановить логику Ю. Х. Сирка и найти соответствие между предложенным им переводом и праавстронезийской реконструкцией. Выполнение этого своеобразного мета-исследования даст возможность предметно обсудить правильность перевода Сирка, что вкупе с новым японоведческим анализом текста в итоге должно окончательно подтвердить или опровергнуть его австронезийскую принадлежность.

В рамках настоящей статьи мы предложим гипотетический вариант соответствия перевода Сирка с современной праавстронезийской реконструкцией, а японоведческая часть исследования будет изложена в последующих работах.

Австронезийские языки на Японских островах

В науке достаточно широко распространено мнение, что до формирования японского этноса на Японских островах (по крайней мере, на Кюсю) в числе представителей различных языковых семей присутствовали и австронезийцы [Vovin, 2021], оставившие определенный след в японском

языке [Там же]. Наличие данного австронезийского субстрата даже побуждало некоторых ученых выдвигать гипотезы (впрочем, не получившие серьезной поддержки) об австронезийской, а не алтайской принадлежности японского языка [Hudson, 1999, pp. 82–83, Vovin, 1994, p. 369] или же о его генетической связи с австронезийской семьей на более глубоком уровне [Blust, 2013, pp. 711–712], а также о его смешанном алтайско-австронезийском происхождении [Vovin, 1994, p. 369]. Обычно в качестве австронезийских народов рассматриваются обитавшие на Кюсю примерно до IX века и частично истребленные, частично ассимилированные японцами хаято и кумасо. Высказывалась гипотеза о том, что окончания соответственно *-то* и *-со* в этих этнонимах могут восходить к праавстронезийскому **Sau* — ‘человек’² [Vovin, 2021, p. 294].

Все сведения об австронезийском «наследии» в Японии (как лингвистическом, так и историческом) крайне скудны и не позволяют создать сколь-либо целостную картину. Практически все данные по этому вопросу сводятся к гипотезам и предположениям, основанным на очень ограниченном наборе фактов, которые можно лишь интерпретировать с той или иной степенью достоверности, но не рассматривать в качестве не подлежащих сомнению (например, сторонник японо-австронезийского родства П. К. Бенедикт выявил несколько сотен японо-австронезийских лексических параллелей [Benedict, 1990], однако Р. Бласт [Blust, 2013, p. 714] и А. В. Вовин [Vovin, 1994] признают большую их часть ошибочными).

Таким образом, при изучении «белых пятен» в области этимологии японского языка и древнеяпонской истории мы, с одной стороны, имеем основания выдвигать различные «австронезийские гипотезы», а с другой — всегда должны относиться к ним с немалой долей осторожности. В этих условиях любые новые данные, представляющиеся надежным свидетельством подобного «австронезийского наследия», имеют огромную ценность и потенциально могли бы изменить нынешнюю ситуацию фактологического вакуума.

Текст песни из собрания «Сётоку коёсю»

В японской антологии песен «Сётоку коёсю» («Собрание старых песен из книги годов Сётоку»³), созданной в конце XI в., содержится текст народной песни из провинции Хиго на Кюсю. В доступных нам источниках текст записан хираганой с вкраплением одного иероглифа и разделен запятыми. Согласно японисту Л. М. Ермаковой, которая приводит этот текст в кириллической транскрипции в своей монографии «Речи богов и песни людей», «для любого, знающего японский язык, эта песня представляет собой набор бессмысленных звукосочетаний» [Ермакова, 1999, с. 148]. Также она сообщает, что, по мнению комментатора текста, он был непонятен уже для исполнителей времен периода Хэйан (794–1185 годы) [Там же].

Л. М. Ермакова предположила, что песня могла быть написана на каком-либо из исчезнувших австронезийских языков Кюсю. Она показала текст Ю. Х. Сирку — одному из крупнейших на тот момент отечественных специалистов в области австронезийского языкознания, занимавшему преимущественно языками Индонезии (особенно бугийским), а также праавстронезийской

² Веским контраргументом против этой гипотезы является то обстоятельство, что названия хаято и кумасо фонетически членятся на японские корневые морфемы, иероглифами со значением каковых они и записываются: хаято (японское 隼人) состоит из 隼 — *haya* ‘сокол’ и 人 — в древнеяпонском *payapito* (*payabito*), современное *bito* (в составных словах иногда может сокращаться в *-to*) ‘человек’, а кумасо (японское 熊襲) — из 熊 — *kuma* ‘медведь’ и 襲 — в древнеяпонском *osori*-, современное *oso*- ‘нападать’. Однако, с другой стороны, подобный факт не является неоспоримым доказательством японского происхождения данных этнонимов, поскольку, во-первых, сочетание корневых морфем 熊 и 襲 весьма непросто интерпретировать с точки зрения грамматики (сочетание, 隼 и 人 вполне грамматично и может быть переведено как «человек-сокол»), а во-вторых, нельзя исключать, что таким способом японцы затранскрибировали заимствованные названия, переосмыслив их.

³ Сётоку или Дзётоку — девиз правления императора Хорикавы в 1097–1099 годах.

реконструкцией. Сирк на основе собственных изысканий, исходя из австронезийской принадлежности текста, предложил два варианта его перевода, которые и были опубликованы Л. М. Ермаковой (разумеется, с указанием авторства Сирка) в упомянутой монографии. Однако, к огромному сожалению, никаких данных о ходе рассуждений ученого, приведших его к конечному результату, в монографии не приводится. Л. М. Ермакова сообщила нам, что Сирк их не оставил, предложив после длительной упорной работы лишь готовый перевод. Следовательно, после его смерти в точности установить, что именно он имел в виду, не представляется возможным. Таким образом, достоверность этих переводов, как и самой гипотезы об австронезийской принадлежности языка текста, по сути, держится лишь на авторитете (безусловно, абсолютно заслуженном) Ю. Х. Сирка. Между тем нельзя не учитывать, что, во-первых, выдающийся ученый не мог быть застрахован от ошибок и заблуждений, а во-вторых, за прошедшие с момента его изысканий 30 лет было накоплено немало новых данных в области праавстронезийской реконструкции, что дает основания для перепроверки его работы.

В этих условиях представляется очевидным, что текст, который (в случае подтверждения австронезийской гипотезы) вполне может иметь огромное значение в исследованиях древней Японии (так как в этом случае он станет первым надежным доказательством присутствия на Кюсю австронезийцев), нуждается в тщательном повторном изучении. Исследование это потребует несколько этапов. С одной стороны, надо все-таки попытаться понять текст, исходя из японского языка, а с другой — попробовать надежно доказать его австронезийскую принадлежность. При этом начинать работу над второй задачей разумнее всего с того, чтобы попытаться реконструировать логику рассуждений Ю. Х. Сирка и объяснить его переводы данными по праавстронезийской реконструкции. После этого можно будет обсуждать обоснованность и достоверность его выводов и, возможно, предложить иные, более надежные варианты. Эти результаты, в свою очередь, необходимо будет сопоставить с результатами попыток объяснить значение текста из данных только японского языка, чтобы в итоге отдать предпочтение наиболее убедительной версии.

В рамках данной статьи мы постараемся выполнить первую часть работы «в австронезийском направлении», то есть попробуем выявить соответствия между переводами Ю. Х. Сирка и современной праавстронезийской реконструкцией, оставив все остальное на долю будущих исследований.

Текст и его перевод

Текст в доступной в интернете версии специально посвященной ему брошюры 1930 года из Национальной парламентской библиотеки записан хираганой с использованием 1 иероглифа и разбит запятыми. В брошюре он приводится дважды (Рисунки 1 и 2). Иероглифом 𠬞 (*utsu* — ‘бить, ударять, заколачивать, атаковать, стрелять, хлопать в ладоши, ковать’) обозначен третий слог текста.

Точная кириллическая транскрипция текста с учетом запятых выглядит следующим образом:

Сидоутана, таритана, сидоутирара, сидоутира, таритана, сидоутирара, тоуари, таритана, натоуторара.

Л. М. Ермакова приводит текст без запятых, но с разбиением на слова, отсутствующие в доступном нам японском варианте [Ермакова, 1999, с. 148]:

Сидо утана таритана сидо утирара сидо утира таритана сидо утирара тоу ари таританана тоу тарара.

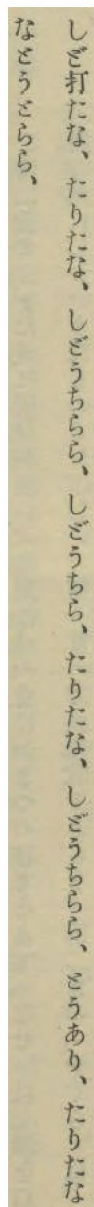


Рис. 1

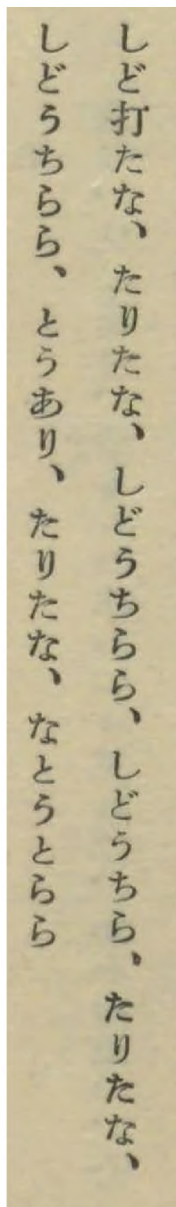


Рис. 2

Ю. Х. Сирком (который, очевидно, пользовался транскрипцией Л. М. Ермаковой) были предложены следующие два варианта перевода текста [Ермакова, 1999, с. 148]:

1) «Хочешь (хочу) похоронить, не удастся похоронить; хочешь (хочу) проглотить, не удастся похоронить, людям этого похоронить не дано, проглотить не дано».

2) «Хочешь (хочу) удержать, не держится (не дается в руки), хочешь (хочу) отдать — не держится (оно), хочешь (хочу) отдать людям, не удерживают (его) наши предки».

Сопоставление данных вариантов перевода с праавстронезийской лексикой проводилось нами на материале ее онлайн-словаря, базирующегося на реконструкции Р. Э. Блуста: https://www.trussel2.com/ACD/acd-pl_pan.htm, более подробные сведения о которой можно найти в его работах, например, в [Greenhill, Blust, Gray, 2008] и в [Blust, 2013]. Разумеется, гораздо логичнее было бы опираться в этом деле на представления о праавстронезийском языке самого Ю. Х. Сирка, однако сколь-либо полноценного списка лексем в его работах не содержится, а его фундаментальный труд по австронезийской компаративистике «Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение» посвящен в основном реконструкции в области фонетики и грамматики, а не лексики. Одновременно с этим в данной монографии Сирк многократно упоминает работы Блуста и в целом выражает согласие с его выводами, лишь иногда дополняя их «некоторым анализом» [Сирк, 2008, с. 138]. Поэтому опираться на реконструкцию Блуста — наиболее авторитетную и с которой Сирк явно был знаком, представляется нам самым логичным и правильным решением.

Прежде чем пытаться восстановить логику данных вариантов перевода и увязать их с праавстронезийской реконструкцией, следует отметить, что соответствие русских текстов оригинальному, а также особенностям грамматики австронезийских языков вызывает некоторые вопросы. Мы видим, что в оригинале слово *сидо* повторяется четыре раза, а *таритана*, *утирара* и *тоу* — по два, причем дважды слова *сидо* и *утирара* стоят друг за другом. Однако ни в одном из вариантов перевода мы не встречаем аналогичной частоты употребления слов и их последовательности.

В первом варианте слово «похоронить» повторяется четыре раза, зато сразу четыре, а не три слова («хочу/хочешь», «проглотить», «не удастся» и «не дано») — по два; при этом никакие два слова

не следуют друг за другом дважды. Во втором варианте слова «хочу/хочешь» и «отдать» дважды следуют друг за другом, ни одно слово не повторяется четырежды, но слово «хочу/хочешь» повторено трижды. На основе этого можно предположить, что данные варианты перевода не совсем точны и Сирк постарался придать им более логичный и удобопонятный вид, чем тот, который был бы у пословного перевода. Это вполне согласуется и с употреблением им весьма специфичного оборота «не дано», которому можно найти параллели в других языках лишь при хорошем их знании и понимании контекста, что, разумеется, невозможно в случае с языком совершенно неизвестным.

Помимо этого, несколько странным выглядит то обстоятельство, что Сирк допускает для какого-то из слов значение глагола «хотеть» в единственном числе либо первого, либо второго лица. В австронезийских языках глаголы по лицам не спрягаются. Лица выражаются личными местоимениями, мало различающимися в большинстве языков семьи, при этом слов, похожих на данные местоимения, в тексте не прослеживается («я» на праавстронезийском восстанавливается как *aku, «ты» — как *kaSu). Употребление глагола без подлежащего может означать любое лицо и число, однако чаще всего в языках мира в подобных случаях подразумевается единственное или множественное число третьего лица. Поэтому предлагаемые Сирком варианты «хочешь» и «хочу» представляются не самыми логичными.

Лексем со значением «хотеть» в словаре праавстронезийской лексики, основанном на реконструкции Бласта, содержится несколько. Однако единственным вариантом, фонетически похожим на какое-либо из слов исследуемого текста, является восстанавливаемое на празападно-малайско-полинезийском уровне *sadat, более точное значение которого на английском дается как 'in need, in want'. Можно предположить, что именно с данным корнем или каким-то его подобием Ю. Сирк увязал *сидо*.

Для семемы «похоронить» в словаре содержится прамалайско-полинезийский корень *tanem (восходит в праавстронезийскому *CaNem — 'могила, хоронить'), имеющий значения 'могила, хоронить', а также 'сеять'. Он вполне сопоставим со словом *утана*, особенно если учесть, что в австронезийских языках достаточно широко распространена префиксация, особенно глагольная.

Что касается префикса *тари-*, присоединенного к этому корню в слове *таритана*, и (исходя из перевода Сирка), очевидно, несущего значение отрицания, то первый его слог по сути идентичен прамалайско-полинезийскому показателю отрицания *taq3, который в малайском и индонезийском трансформировался в *tak* [taʔ], а в ряде языков (например, капампанганском на Филиппинах и сангирском на острове Сангир к северу от Сулавеси) непосредственно в *ta*. Появление в показателе отрицания второго слога — *-ри* теоретически можно было бы объяснить случайными явлениями. Однако, во-первых, по свидетельству К. А. Аделаара, отрицательные формы *tər-/tra* существуют также в шриланкийском, молуккском и так называемом базарном диалектах малайского [Adelaar, 1991, p. 26]. Во-вторых, в малайском и индонезийском используется еще и составной показатель отрицания *tidak* [tidaʔ], представляющий собой объединение собственно отрицания *tak* и бытийного глагола *ada*. Также в малагасийском помимо исходного отрицательного показателя *tsy* (этимологически также восходящего к *taq3) существует составная форма *tsiary*, аналогичным образом (возможно, под влиянием малайского) объединяющая *tsy* + *ary*. Переходы *d в *r* довольно широко распространены в различных языках мира и среди австронезийских имели место, например, в том же малагасийском и ряде филиппинских [Сирк, 2008, с. 203]. Поэтому гипотеза о том, что в языке исследуемого текста (если он действительно являлся австронезийским) показатель отрицания этимологически состоял из собственно отрицания, восходящего к *taq3, и бытийного глагола, который в прамалайско-полинезийском имел форму *wada, а *d перешло в *r*, выглядит

достаточно правдоподобной. Это вполне объясняет существование отрицательного показателя *тари* (ср. малагасийское *tsiary*).

Среди остальных слов текста австронезийское значение легко устанавливается для *тоу*, почти идентичного прамалайско-полинезийскому **tau*₁ (восходит к праавстронезийскому **Cau*) со значением «человек» (тот самый корень, к которому возводят *-то* в этнониме «хаято» и *-со* в «кумасо»). Также можно сопоставить *ари* с указательным местоимением «тот» или «этот», имевшим в прамалайско-полинезийском вид **a-di*, после чего в ряде языков **d* перешло в *r* (малагасийское *ary* — ‘там’, в языке самихим на Калимантане *ari* — ‘тот’, в бауро на острове Макира в архипелаге Соломоновых островов *i-ari* — ‘этот’).

Гораздо сложнее обстоит дело с идентификацией слов *утира*, *утирара* и *тарара*. Прежде всего возникает вопрос, являются ли они формами одной лексемы или же нет. Нам представляется более логичным, что *утира* и *утирара* являются таковыми. Во-первых, они отличаются лишь тем, что слово *утирара* содержит дополнительный четвертый слог. Во-вторых, в тексте также имеется слово *таританана*, отличающееся от *таритана* (как мы предположили ранее — сочетания глагола *тана* «хоронить» или «сеять» с отрицанием) точно таким же образом, как и *утирара* от *утира* — удвоением последнего слога. На основе сопоставления этих двух пар слов можно предположить, что подобная редупликация является каким-либо грамматическим маркером, что нередко встречается в австронезийских языках⁴. Менее правдоподобным объяснением представляется предположение, что удвоение последнего слога лишено семантики и обусловлено мелодией песни. Что касается *тарара*, то оно довольно заметно отличается от *утира* (которое мы решили рассматривать как исходную форму для *утирара*), и потому более вероятно, что оно является отдельным словом.

При сопоставлении слов из обоих вариантов перевода Сирка с аналогичными или сходными по значению праавстронезийскими лексемами мы видим следующее.

Для слова «предки» мы находим такие лексемы: празападно-малайско-полинезийское **qiaŋ*, праокеанийское **tibu*₂, прафилиппинское **maŋa-ari* и **ari* *ari*, прамалайско-полинезийское **andun*. Как видим, ни для одного из этих слов в тексте не находится ничего схожего. Поэтому мы вынуждены считать, что данный ход рассуждений Сирка был ошибочным.

Похожую ситуацию мы наблюдаем и со словом «удержать». Для ‘to keep’ имеются праавстронезийская лексема **demdem*₁ (с очень большой натяжкой она может быть соотнесена со словом *тара*, поскольку, как уже упоминалось, переход **d* в *r* широко распространен в австронезийских языках, однако данная гипотеза представляется слишком сомнительной) и празападно-малайско-полинезийская **aŋkat-aŋkat*, а для ‘to hold’ и смежных значений — несколько десятков различных корней, ни один из которых не может быть соотнесен с каким-либо словом из текста.

Немного лучше обстоит дело со значением «не дано». Среди праформ можно найти прафилиппинское **tudul* — ‘давать’, от которого происходят ями *toro* — ‘платить, давать’, итбятенское *torox* — ‘давание’ и иватанское *toroh* — ‘давать’.

⁴ Редупликация распространена в австронезийских языках весьма широко. Ей могут подвергаться как корень в целом (например, таким способом образуется множественное число существительных в малайском и индонезийском), так и отдельные слоги. Чаще это касается начала слова (на Тайване в сайсиат: *hiyop* — ‘дуть’ > *ha-hiyop* — ‘духовая трубка’, в пуюма *drua* — ‘два’ > *dru-drua-a* — ‘два’ применительно к безличным объектам). Однако встречаются редупликации слогов в середине слова (в булун на Тайване: *kilim* — ‘искать’ > *ki-li-lim-un* — ‘часто искомый’) [Zeitoun, Chen-huei Wu, p. 2006]. В мадурском распространена редупликация последнего слога, выносящегося в начало слова: *oreng* — ‘человек’ > *reng-oreng* — ‘люди’, *reyok* — ‘вода’ > *yak-reyok* — ‘большое количество воды’ [Maryani, 2022]. Свидетельств об использовании в каком-либо австронезийском языке редупликации последнего слога без его вынесения в начало нам обнаружить не удалось. Однако столь широкое распространение в языках семьи различных иных типов редупликации дает основание предполагать, что и подобный тип вполне мог существовать в одном из них.

Также существует празападно-малайско-полинезийское *tuRut — ‘to follow instructions or an example, carry along, give in, allow something to happen’, давшее в различных языках очень разные значения: балийское *tuhu* — ‘следовать, подчиняться’, букидское (на Минданао) *tugut* — ‘разрешать что-либо сделать’, каро-батакское *turut* — ‘go along with; give in to one’s passions or desires’, хилигайнонское (Филиппины) *túgut* — ‘разрешать, соглашаться’. Слово *тара* может быть соотнесено с одним из этих двух корней, и в таком случае его значение может выглядеть примерно как «разрешать, позволять случиться, давать». Это довольно близко к значению «дано», что вполне может объяснять использование Сирком такого, как уже отмечалось, весьма специфического для русского языка оборота.

Следует отметить, что известна также и праокеанийская форма *taRamwi (по некоторым версиям *tara) со значением ‘разрешать, позволять, соглашаться’. Однако отнесение австронезийских языков Японии к океанийской ветви представляется крайне маловероятным по географическим соображениям.

Последнее оставшееся слово текста — *утира* можно соотнести с прамалайско-полинезийским *tilen — ‘глотать’ (малайское *telan*, фиджийское *tilo* с аналогичным значением).

Таким образом, согласно изложенному, слова текста соотносятся с пралексемами следующим образом:

сидо *sadat нужно/хочется	у-тана, um?-*tanem ?-похоронить/посеять	тари-тана, *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	
сидо *sadat нужно/хочется	у-тира-ра, um?-*tilen-? ?-глотать-?	сидо *sadat нужно/хочется	у-тира, um?-*tilen ?-глотать
тари-тана, *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	сидо *sadat нужно/хочется	у-тира-ра, um?-*tilen-? ?-глотать-?	тоу *tau ¹ человек
ари, *a-di это/то	тари-тана *taq ³ +*wada-*tanem NEG-похоронить/посеять	[-?] на ? ? ?	тоу *tau ¹ человек
тара-ра/тора-ра *tudul/*tuRut дать/позволить-?			

На основе приведенного выше сопоставления слов текста с пралексикой мы можем предложить свой «перевод», несколько отличающийся от перевода Сирка. Если исходить из того, что запятые в записи хираганой расставлены исходя из смысла, то наиболее логичным нам представляется такой вариант перевода:

Нужно/хочется похоронить/посеять, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, нужно/хочется проглотить, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, этот человек, не [получается?] похоронить/посеять, людям дозволено.

Подобный текст выглядит малоосмысленным. Более связным перевод становится в случае, если допустить, что запятые в хирагане расставлены без связи со смыслом (это вполне могло произойти вследствие того, что писавший не понимал ни слова, а ориентировался лишь на мелодию). Тогда можно предложить следующий вариант:

Нужно/хочется похоронить/посеять, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется проглотить, нужно/хочется проглотить, не [получается?] похоронить/посеять, нужно/хочется, чтобы люди это проглотили,
положено, чтобы люди это не похоронили/посеяли [=людям не дано похоронить/посеять].

Общий смысл текста на первый взгляд представляется малопонятным, что может рассматриваться как аргумент против правильности перевода. Однако следует учесть, что заклинательные тексты весьма часто являются малопонятными и малоосмысленными. К тому же, по замечанию Л. М. Ермаковой, мотив «хочет — не получается» часто встречается в австронезийском фольклоре [Ермакова, 1995, с. 148]. К этому можно добавить, что похоронные обряды, связанные с погребением и последующим почитанием останков, занимают очень важное, едва ли не центральное место в жизни многих австронезийских народов (ср., например, многолетнее хранение мумий в доме, дорогостоящие похоронные жертвоприношения и последующие эксгумации *манене* у тораджей, эксгумацию *фамадихана* у малагасийцев, чрезвычайно пышные балийские кремации). Подобная важность погребальной тематики могла бы сделать более понятным значение песни при условии, что корень *тана* означает «хоронить». В этом случае можно было бы предположить, что корень *тира* со значением глотания в данном контексте относится к земле (земля не проглатывает, не принимает). Последнее уместно и в случае, если исходить из того, что *тана* означает «сеять». Разумеется, все эти соображения носят исключительно гипотетический характер и призваны лишь показать, что в действительности текст может быть вовсе не столь бессмысленным, как представляется при беглом взгляде.

Заключение

В ходе нашей работы мы постарались восстановить логику рассуждений Ю. Х. Сирка путем соотнесения предложенного им перевода, изучаемого текста и праавстронезийской лексики.

На наш взгляд, получившийся в результате вариант пословного перевода достаточно хорошо (хотя и не полностью) соотносится со смысловым переводом Сирка. Полное соответствие второго с первым представляется нам невозможным, поскольку, как уже отмечалось, количество повторений слов в оригинале и у Сирка разнится, что, вероятно, явилось следствием стремления ученого более точно передать общий смысл, нежели значение каждого слова.

Получившаяся реконструкция, разумеется, носит сугубо гипотетический характер. Нам она представляется достаточно убедительной с точки зрения лексики, поскольку все слова текста удалось соотнести с праавстронезийскими корнями. Общий смысл текста, как уже отмечалось, весьма туманен, однако мы можем предложить объясняющие его в какой-то мере гипотезы.

Большие сомнения, однако, вызывает синтаксис, поскольку, во-первых, слова довольно плохо складываются в осмысленные предложения, а во-вторых, в тексте, по сути, отсутствуют какие-либо служебные слова, что выглядит несколько странным, особенно для австронезийских языков, отличающихся достаточно высокой степенью аналитизма.

Также большие сомнения в австронезийской принадлежности текста порождает культурно-исторический контекст: включение японцами в собственную ритуальную практику песни покоренного народа представляется очень маловероятным. Во-первых, иных подобных примеров не зафиксировано. Во-вторых, известно, что японцы всегда относились к субстратному населению архипелага с большим пренебрежением, и подтвержденные случаи заимствования ими у последних каких-либо элементов культуры или мифологии если и имелись (например, встречаются сведения о танце *хая-томай*, возможно, восходящем к хаято [Hincks, 1910]), то чрезвычайно редки.

С учетом этих обстоятельств мы даже после наших, как хотелось бы верить, не самых безуспешных изысканий, призванных обосновать выводы Ю. Х. Сирка, все равно вынуждены признать, что гипотеза об австронезийском происхождении данного текста, несмотря на свою привлекательность, представляется весьма сомнительной.

На наш взгляд, необходимо провести гораздо более тщательные исследования с целью все-таки объяснить текст с точки зрения японского языка. Даже если он выглядит совершенно бессмысленным для среднестатистического носителя, ключом к его пониманию может оказаться привлечение данных о диалектной и устаревшей лексике или об ономастопеях. И только в случае, если все попытки изысканий в этом направлении потерпят крах и «неяпонскость» текста будет доказана максимально убедительно, австронезийская гипотеза должна будет рассматриваться как основная и разрабатываться далее.

Литература / References

Ермакова Л.М. *Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской эстетики*. М.: Восточная литература, 1995 [Yermakova L.M. *Words of the gods and songs of the humans. Ritual and mythological sources of Japanese esthetics*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].

Сирк Ю.Х. *Австронезийские языки: введение в сравнительно-историческое изучение*. М.: Восточная литература, 2008 [Sirk J.H. *Austronesian language: introduction into comparative studies*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian)].

Adelaar K. A. *Some notes on the origin of Sri Lankan Malay*. Canberra: The Australian National University, 1991. Pp. 23–37.

Hincks M.A. *The Japanese dance*. 1910.

Hudson M.J. *Ruins of Identity: Ethnogenesis in the Japanese Islands*. University of Hawai'i press, 1999.

Benedict P.K. *Japanese/Austro-Tai*. Ann Arbor, Michigan: Karoma Publishers, 1990.

Blust R. *The Austronesian languages. Revised edition*. Canberra, 2013.

Maryani. A Comparative Study Between Javanese and Madurese Reduplication. *Linguistics and English Language Teaching Journal*. Vol. 10. No. 2 (Dec. 2022).

Greenhill S.J., Blust R., Gray R.D. The Austronesian Basic Vocabulary Database: From Bioinformatics to Lexomics. *Evolutionary Bioinformatics*. 2008. No. 4. Pp. 271–283.

Vovin A. Is Japanese related to Austronesian? *Oceanic Linguistics*. Vol. 33. No. 2 (Dec. 1994). Pp. 369–390.

Vovin A. Austronesians in the Northern Waters? *International journal of Eurasian linguistics*. 2021. No. 3. Pp. 272–300.

Zeitoun E., Chen-huei Wu. An overview of reduplication of in Formosan languages. *Streams converging into an ocean*. 2006. Pp. 97–142.